
От первого лица

И. Г. Ушачёв, академик РАН, директор Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства РАН:

Обеспечение импортозамещения в первую очередь связано с активизацией инвестиционной деятельности как в целом в экономике, так и в отраслях АПК. Но низкие и нестабильные собственные доходы сельхозпроизводителей не могут гарантировать достаточный объем инвестиционных ресурсов, поэтому необходимо решать проблему повышения доходности сельхозпроизводителей. В этих целях можно было бы, во-первых, ограничить рост цен на материальные ресурсы для АПК, хотя бы на тех рынках, где доминируют государственные компании или тарифы регулируются правительством (минеральные удобрения, ГСМ, газ, электроэнергия, ж/д перевозки).

Другой возможный путь – увеличить долю сельхозпроизводителей в конечной розничной цене продовольствия, например, через широкое развитие кооперации на селе, совершенствование системы и механизмов закупочных (не товарных) интервенций, расширения перечня закупаемой продукции и введение минимальных гарантированных цен.

Еще одна серьезная проблема, дестимулирующая инвестиционный процесс в АПК, – закредитованность хозяйств. Уже сегодня на обслуживание кредитов в отрасли тратится до 65% прибыли, в то время как в нефтяной и газовой – всего 14%. Несовершенство кредитно-финансовых отношений привело к тому, что суммарная задолженность наших товаропроизводителей превысила 2 трлн руб. Это в 1,3 раза больше стоимости всей реализуемой ими продукции и в 20 раз больше получаемой прибыли. Возникла ситуация, когда реструктуризация их долговых обязательств – хотим мы того или нет – становится неизбежной.

При этом необходимо существенно скорректировать механизм кредитования. Одним из вариантов может быть порядок, при котором Россельхозбанк должен работать не как коммерческая структура, а как институт развития АПК – имеется в виду предоставление через него инвестиционных кредитов по специальным ставкам не выше 3%.

Из выступления на заседании комиссии по АПК при председателе Совета Федерации РФ

А. Л. Злочевский, президент Российского зернового союза, доктор экономических наук:

– Чтобы происходящее сегодня «импортозамещение» (замена одних импортных товаров другими) превратилось в «импортозамещение» (вытеснение импорта и замена его продуктами отечественного производства), необходимо

в первую очередь обеспечить экономические стимулы для того, чтобы наша сельхозпродукция рентабельно конвертировалась в товар с высокой добавленной стоимостью. Для сельхозпроизводителей самый главный экономический стимул – спрос переработки на сельхозпродукцию, для переработчиков – наличие полноценных рынков сбыта готовой продукции, включая внешние. На текущий момент такая задача не поставлена в повестку дня. И, на мой взгляд, это главная проблема.

Надо настроить всю систему государственного регулирования на продвижение нашей готовой продукции на внутренние и внешние рынки. А для этого в первую очередь уделять внимание инфраструктуре распределения сельхозсырья. В новой госпрограмме такая задача ставится в отношении плодоовощной продукции: предусмотрено строительство сети распределительных центров, а зерновой рынок в очередной раз оказался не у дел, хотя инфраструктура обеспечения зерновых потоков находится в плачевном состоянии уже много лет.

Застарелая проблема – транспорт и транспортные расходы, которые при наших расстояниях являются одной из важных составляющих в себестоимости конечного продукта. До сих пор зерно мы возим вторым тарифным классом, дотируя за счет наших доходов перевозку грузов первого класса (уголь, цемент, кирпич и т.д.).

Много лет впустую говорим об организации продовольственной помощи. В Америке это служит одним из фундаментальных генераторов внутреннего спроса, мощным драйвером для обеспечения заказами перерабатывающей промышленности и – через переработку – спроса на сырье. Но в новой госпрограмме об этом направлении в очередной раз – ни слова...

Необходимо обеспечить регулирование рынка. Буквально на днях без какого бы то ни было предупреждения, оповещения и т.д. ОАО «РЖД» прекратило отгрузку в экспортные порты, «Россельхознадзор» перестал выдавать фитосанитарные сертификаты, то есть де-факто экспорт зерна прекращен. Сегодня выясняется, что даже Совет Федерации был не в курсе этого решения – оно принималось кулуарно, ни с кем не посоветовались, никого не предупредили. Я не понимаю, откуда взялась паника по поводу возможного дефицита зерна при 104 млн т урожая и 14 млн т переходящих запасов, но мы подобными решениями рубим сук, на котором сидим, потому что зернопроизводители, получив такой недвусмысленный сигнал, вряд ли с энтузиазмом будут сеять яровые. В следующем году урожай уменьшится, и в итоге мы опять рискуем получить импортозамещение.

Из выступления на заседании комиссии по АПК при председателе Совета Федерации РФ

В. Г. Эдвабник, заместитель генерального директора по развитию ОАО «НИИ электронных приборов», кандидат технических наук, доктор экономических наук:

– По поводу импортозамещения отмечу два основных момента. Первый – это катастрофический разрыв отношений с Украиной, откуда наш ОПК всегда получал комплектующие. Особенно сильные кооперационные связи были в авиационном комплексе и судостроении. Сегодня мы вынуждены заменять украинскую продукцию на другую, где-то организовывать свое производство. Для украинских предприятий это означает полную потерю нашего рынка. Даже если политические взаимоотношения завтра восстановятся, мы их продукцию уже не будем покупать, так как она основана еще на советских разработках, и до сих пор ее приобретали, можно сказать, по инерции. Сейчас у себя мы копировать ее не будем – если уж начинать новое производство, так на современном уровне. Например, московское объединение «Салют» получило заказ на новые двигатели, которые заменят украинские «Мотор Сич». Таких никогда не было ни в СССР, ни в России, ни тем более в Украине. Но после того как весь российский ОПК перейдет на новые двигатели, возврата к старым уже не будет.

Второй момент связан с санкциями западных стран. Казалось бы, для нашей приборостроительной отрасли они должны быть довольно чувствительными, потому что электронную аппаратуру мирового уровня без компонентов мирового уровня не создашь, а разработчик таких компонентов один – США. Правда, на наше счастье, Америка не является производителем этой продукции: на нее работает всемирная мастерская в странах Азии – Китай, Тайвань, Сингапур, Индия, и мы давно уже покупаем эту продукцию именно там.

Причем даже без всяких санкций нам никто никогда за рубежом не продавал комплектующие в военном исполнении – «милитари», только в общепромышленном – «индастри», а это немного другие параметры. Как мы выходили из положения? Закупали партию комплектующих и каждую единицу испытывали на предмет соответствия критическим параметрам. Конечно, это означало дополнительные издержки, но все равно оказывалось проще, надежнее и вдвое дешевле, чем при использовании нашей устаревшей базы.

Еще до введения санкций мы активно взаимодействовали с одним из американских разработчиков элементной базы – программируемых логических интегральных схем. С 2000 г. принимали их продукцию на испытание, обменивались оперативной информацией, а в 2002 г. даже создали свой процессор на базе их элементов. При этом мы сотрудничали только на этапе разработки, готовую продукцию не покупали. Просто цикл создания нашего изделия раза

в три продолжительнее, чем у этого элемента, и тогда, когда начинались испытания нашего изделия, мы уже могли рассчитывать на массовые поставки из Китая или Тайваня, не рискуя остаться без комплектующих. Таким образом нам довольно долго удавалось поддерживать самый передовой технический (не научный!) уровень своих изделий. К началу работы над новой продукцией весь круг повторялся. Сегодня прекращение такого сотрудничества, обмена информацией отбросит нас на 5–7 лет назад. Потому что уже на этапе разработки своих изделий нам придется довольствоваться только теми элементами, которые давно поставлены на поток в азиатских странах.

Но в целом, мне кажется, сегодня нельзя сказать, что мы оказались в полной изоляции и потеряли доступ к мировым рынкам, в том числе – по элементной базе. Конечно, сидеть сложа руки не стоит, но и стремиться к полному самообеспечению ОПК, как это было в СССР, тоже неразумно.

Есть какие-то вещи, например, СВЧ-электроника, отдельные элементы питания, которые нам никогда не продавали, и мы даже информацией о них не владеем. Производство такой продукции, наверное, надо развивать у себя. Или штучные устройства: в центре управления стратегическими войсками, в генеральном штабе должен стоять такой компьютер, в надежности которого мы должны быть уверены на 100%. Пусть он будет громоздким и неказистым с виду – это не суть важно, зато в нем точно не будет никаких шпионских «закладок». Но там, где речь идет о массовой продукции, нужно использовать все возможности глобальных рынков. Например, боеприпасы. Фактически это – расходный материал, каждый снаряд используется один раз, а нужны их сотни тысяч. Бояться какого-то вредительства при таких объемах просто нелепо.

Если же мы хотим выйти на передовые рубежи в оборонном комплексе, надо восстанавливать прикладную науку – систему конструкторских бюро, которые будут мостом между фундаментальной наукой и производством. В гражданской сфере такое СКБ уже создано СО РАН в 1991 г.* Те приборы на основе лазерных технологий, которые они делают для железной дороги, уникальны. Нашей отрасли тоже нужна такая ступенька между фундаментальной наукой и непосредственно производством. Почему она до сих пор не создана, мне непонятно.

Пресс-конференция по итогам работы ОПК Новосибирской области в 2014 г.

* Имеется в виду конструкторско-технологический институт научного приборостроения СО РАН.